

Шолом-Алейхем

Мариенбад

Перевод с идиш
Михаила Шамбадала

ФТМ

Шолом-Алейхем

Мариенбад

«ФТМ»

1911

Шолом-Алейхем

Мариенбад / Шолом-Алейхем — «ФТМ», 1911

«Мариенбад» – не роман, а путаница в 36 письмах, 14 любовных записках и 46 телеграммах. Шолом-Алейхема хорошо читать в трудные минуты жизни – становится легче. Шолом-Алейхем просто незаменим, когда жизнь кипит и все вокруг поет и радуется. Шолом-Алейхем именно так передает полноту и выразительность, юмор и лиризм человеческих отношений. Вот такой это писатель. И за это ему благодарны все, кто когда-либо открыл его книги. Писатель творит свой собственный мир, населяя его самыми колоритными персонажами, где каждый характер отличает яркое своеобразие. Имена его героев превратились в имена нарицательные. Неподражаемый юмор писателя, его «смех сквозь слезы», снискали ему мировую признательность и любовь читателей.

© Шолом-Алейхем, 1911

© ФТМ, 1911

Содержание

1	5
2	8
3	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Шолом-Алейхем Мариенбад

Не роман, а путаница в 36 письмах, 14 любовных записках и 46 телеграммах

1

*Бейльця Курлендер из Берлина – своему мужу Шлойме Курлендеру на улицу
Налевки в Варшаву*

Моему дорогому просвещенному супругу Шлойме, да сияет светоч его!

Довожу до твоего сведения, что я пока все еще в Берлине и выехать в Мариенбад смогу, дай бог, только на будущей неделе. Мне незачем перед тобой оправдываться, но можешь мне поверить: я нисколько не виновата в том, что пришлось задержаться в Берлине на целую неделю. Когда ты узнаешь до конца все, что мне пришлось тут пережить, ты и сам скажешь: невозможно предвидеть всякую мелочь. «Человек хочет, а Бог хохочет». Вот как обстоит дело.

Я рассчитывала пробыть в Берлине один день, самое большее – два. Сколько же еще времени требуется, чтобы побывать у профессора? Но все это лишь в том случае, если бы я пригласила профессора к себе. А я подумала: к чему мне тратить лишних тридцать марок, которые могут пригодиться на что-нибудь другое? Я так часто слышу от тебя, что уходит много денег, а времена, ты говоришь, сейчас не блестящие, и другие тому подобные намеки приходится мне слышать от тебя... Поэтому я решила не заезжать в гостиницу на Фридрихштрассе, о которой мне писала моя родственница Хавеле. Как могу я тягаться с Хавеле Чапник? Она тратит сколько ей угодно, и никто ничего не скажет, потому что Хавеле – не вторая жена у мужа, как я, и у мужа ее нет детей от первой жены, как у моего, и Берл Чапник не трясется над каждой копейкой, как ты, и не боится остаться нищим на старости лет, как боишься ты. Я ничего, упаси бог, не имею в виду, я говорю вполне серьезно, что не хочу тратить лишние деньги и остановилась там, где останавливаются все наши налевкинские – у Перельцвейг. Это вдова, очень славная хозяйка, честная, прекрасно готовит и берет недорого, да и удобно – отовсюду недалеко. За десять пфеннигов ты на Лейпцигштрассе, у Вертгеймера. А как же можно быть в Берлине и не заглянуть на минуту к Вертгеймеру? Если бы ты был хоть раз у Вертгеймера, ты бы и сам сказал, что это невозможно. Имя Вертгеймера я слыхала еще в Варшаве, но никогда себе не представляла, что на свете может быть такой магазин. Что тебе сказать, дорогой мой супруг? Это не поддается описанию! Все, что глаз способен увидеть, буквально наполовину дешевле, чем у нас на Налевках. Представь себе: две марки – дюжина носовых платков! Или за девяносто восемь пфеннигов – пара шелковых чулок, какие у нас и за рубль двадцать не купишь. Или, к примеру, за шестьдесят восемь пфеннигов – стенные часы! Ну, можно выдержать? Я полагаю, если Бог поможет, когда буду возвращаться домой здоровая, снова поехать через Берлин, а не через Вену – Вена, говорят, дыра, захолустье в сравнении с Берлином, – тогда только я заберусь к Вертгеймеру и на свежую голову закуплю все, что требуется в хозяйстве: немного стекла, фаянса и других домашних вещей, затем шелка, мебели и парфюмерии. Границы не бойся: уж как-нибудь найду выход. Хавеле Чапник ежегодно провозит полные сундуки. Покамест я почти ничего не купила, кроме кое-чего из белья, летних ботинок, еще одной шляпки, халата из сплошных лент, полудюжины нижних юбок, зеленого шелкового зонтика, перчаток, кружев, прошивок и прочих таких вещей, необходимых мне в Мариенбаде.

А так как я была у Вертгеймера, я уже заодно попросила упаковать мне полдюжины салфеток и маслобойку. Простить себя не могу, словно собаки грызут меня, что и не послушалась тебя и не взяла с собой пару лишних сотен. Ужасно глупо: захотелось показать тебе, что не такая уж я транжирка, как ты думаешь. Гораздо больше смысла было бы потратить у Вертгеймера, нежели на доктора, прохворать бы ему самому, эти деньги! Не хватало мне еще доктора в Берлине! Мало их у нас в Варшаве! Можешь мне поверить, берлинским докторам пришлось бы долго еще ждать, пока бы я пригласила их к себе. Но случилось несчастье... Вот послушай.

Только я приехала в гостиницу, к этой Перельцвейг, о которой пишу тебе, не успела еще умыться и одеться как полагается, меня тут же взяли в работу: какого доктора я прикажу вызвать? Я отвечаю: «Во-первых, кто вам сказал, что мне нужен доктор? Что ж, я так скверно выгляжу, что сразу видно по лицу? А во-вторых, у меня из дому есть адрес одного профессора». Тут ко мне обращается какой-то старый холостяк с носом, на котором растет красная смородина: «Извините, мадам, я вам вот что скажу. Именно потому, что у вас имеется адрес профессора, вам необходимо предварительно повидаться с доктором. Потому что, – говорит он, – большая разница, вы ли будете говорить с профессором или доктор доложит ему о вас на своем докторском языке». Оказывается, этот старый холостяк с красным носом живет у мадам Перельцвейг, о которой я тебе пишу, и является комиссионером по докторам, то есть занимается тем, что вызывает доктора, когда нужно, а доктор уже вызывает профессора или сам приводит больного к профессору на дом. Я им намекнула, что в поводырях не нуждаюсь. «Я еще, слава богу, в силах и сама пройти пешком версту». А комиссионер со смородиной отвечает на это: «Мадам! По мне, вы можете хоть три версты пройти пешком. Но должен вас предупредить, что это напрасный труд. Берлинский профессор, когда вы приходите к нему без доктора, держит вас полминуты, фи-фу-фа, постукал пальчиком, „эйн-цвей-дрей“ и долой с катушек, „фертиг“! Но когда вы приходите с вашим доктором, тогда совсем другой разговор! Доктору он отказать не может. Доктора он обязан выслушать. Поняли или все еще нет?...»

Долго ли, коротко ли, доктора он ко мне привел. Доктор этот мне, правда, сразу же не понравился: в глаза не смотрит, торопится и взвизгивает. Нравится тебе такой доктор, который в глаза не глядит и повизгивает?

Расспросив обо всем подробно и хорошенько осмотрев со всех сторон, этот умный доктор не прочь был уложить меня в постель, чтобы я пролежала до завтрашнего дня. А завтра он снова осмотрит и лишь тогда, стало быть, скажет, к какому профессору он меня направит. Услышав, что он хочет меня уложить, я объяснила ему, что об этом не может быть и речи. Я в Берлин приехала не лежать, мне нужно побывать у Вертгеймера, сходить к Титцу, побродить везде и всюду. Если он хочет прийти завтра, пусть приходит, но укладывать меня в постель – это не пройдет!.. Он думал, что наскочил на дуреху с Налевок и будет из нее выкачивать марки! Я сразу поняла, что это не доктор, а пиявка. Доказательство? Сейчас услышишь, на что способны кровососы! Волосы дыбом встают!

Утром следующего дня приезжаю с ним к профессору. Оказывается, это совсем не тот профессор, которого записала Хавеле Чапник, это другой и по другим болезням. Об этом я узнала уже после того, как меня основательно измучили, когда я ушла и села в фаэтон. Я думала, мы возвращаемся домой, оказалось, мы едем к другому профессору, и опять-таки не к тому, что я думала. Он привез меня к профессору-акушеру! Я, конечно, здорово рассердилась и начала скандалить. А доктор отвечает мне своим визгливым голосом, что я не в Варшаве на Налевах, а в Берлине, и нечего морочить голову, потому что ему некогда и он лучше знает, к какому профессору нужно обратиться! Ну, что ты скажешь? Таким образом мы побывали, можешь себе представить, у трех профессоров, и все трое, словно сговорившись, заявили в один голос: «Мариенбад!» В таком случае, на какого черта нужны были профессора, да еще целых три? Про Мариенбад я слышала еще в Варшаве. В общем, черту в угоду набегалась, ничего не поделаешь!

Когда вернулась домой, я была так измучена, что еле держалась на ногах и уже поневоле должна была лечь в постель. Думаешь, долго я лежала? Не больше бы этому доктору жить на белом свете! Вскоре меня подняло с постели, будто громом ударило. Представь себе разбойника с большой дороги; я, говорит он, должна ему уплатить восемьдесят марок! Восемьдесят марок? За что? «Простой расчет, – говорит он. – Два визита по десять – это двадцать, три консультации у трех профессоров по двадцать – это шестьдесят. А двадцать и шестьдесят всегда и везде составляло восемьдесят». Я, разумеется, подняла такой скандал, что сбежались все – хозяйка, старый холостяк и прочие постояльцы. «Где мы находимся? – раскричалась я. – В Берлине или в Содоме? У вас не врачи, а хулиганы, погромщики!» Одним словом, все, что вертелось на языке, то и говорила. И можешь себе представить, вмешались люди, и нас с грехом пополам помирили на пятидесяти пяти марках. Пятьдесят пять болячек село бы на роже у этого замечательного доктора! Думаешь, это все? Не торопись! Есть еще старый холостяк с красным носом, украшенным смородиной. Этот требует пятнадцать марок. За что? Это, говорит он, комиссионные за то, что он порекомендовал мне доктора. Как тебе нравится такой болван? У меня так накипело на сердце, что я свалилась и пролежала до следующего дня с мигренью. Шутка ли, столько денег выбросить – и на что? За что? Не лучше было бы в десять тысяч раз оставить эти деньги у Вертгеймера? Поедом сама себя съедаю за то, что не приехала на неделю раньше. Я бы тогда застала здесь мою Хавеле – все-таки родственница! – и не попала к этим пиявкам в руки. Хорошо еще, что Берлин такой город, где есть что посмотреть, не то я бы расхворалась от досады. А повидать в Берлине можно за один день столько, сколько у нас в Варшаве и за тридцать лет не увидишь. Кроме Вертгеймера, Титца и еще таких же магазинов в Берлине имеется «Винтергартен», Аполло-театр, и цирк Шумана, и цирк «Буш». Затем здесь есть, говорят, еще и Луна-парк, который вообще описать невозможно. Я еще только завтра собираюсь пойти туда, тогда все тебе и опишу. Пока будь здоров и скажи Шеве-Рохл, чтобы она смотрела не только за кухней, но и за всем домом. Перед отъездом я забыла записать в грязном белье воротничок и две наволочки. И банку варенья я начала за день до отъезда – пусть она и берет из этой банки для кухни, а больше не трогает варенья – того, что на балконе под ящиком. А письма пиши мне обязательно в Мариенбад – пострестант,¹ как мы условились.

От меня, твоей жены Бейльци Курлендер.

---

¹ До востребования (франц.).

2

Шлойма Курлендер с Налевок в Варшаве – своему другу Хаиму Сорокеру в Мариенбад

Дорогой друг Хаим!

У меня к тебе, друг, небольшая просьба, то есть не маленькая, а по сути дела даже большая просьба! Очень большая! Случилась у меня, дорогой друг, беда: моя Бейльця едет в Мариенбад. Почему ни с того ни с сего в Мариенбад? Понятия не имею! Она говорит, что нездорова и обязательно должна лечиться в Мариенбаде. А доктор тоже говорит, что она нездорова и нуждается в Мариенбаде. А уж если двое говорят – пьян, третьему ничего не остается, как отправиться спать... Но по секрету скажу тебе, и, прошу тебя, пусть это останется между нами: я понимаю, в чем смысл этого Мариенбада. Если мадам Чапник едет в Мариенбад, то как же мадам Курлендер туда не поехать? Она сравнивает меня с Берлом Чапником! Не знает она, видно, одного: что может позволить себе Чапник, того не разрешим себе ни я, ни ты и никто. Чапник способен просидеть круглый год в роскошной квартире, как монах, и совершенно забыть, что за квартиру принято платить. В то проклятое время, когда Чапник, не теперь будь сказано, снимал у меня квартиру, я думал, что заболею чахоткой. Каждый день он требовал, чтоб у него сделали ремонт, а мною помыкал, как дворником. Другого я вышвырнул бы ко всем чертям, а тут пришлось набрать полон рот воды и молчать. Из-за чего? Из-за того, что его Хавеле приходится Бейльце четвероюродной сестрой – десятая вода на киселе! Чего я в тот год только не насмотрелся!.. Хватило бы целую неделю рассказывать. Пусть к Берлу Чапнику придет мясник требовать деньги за мясо, он лбом двери отворяет: какая наглость со стороны мясника требовать деньги за мясо! А к мадам Чапник ходят со счетом из магазина, покуда не сносят две пары обуви, а потом перестают ходить. О портных и сапожниках говорить не приходится: все знают что к Чапникам за деньгами нечего ходить, потому что не дадут. Чего уж больше? Недавно у них была вечеринка – мадам Чапник была именинница. Перед самым отъездом за границу. Надо тебе было видеть, что там творилось! Меня не было, но Бейльця рассказывает – ужин был такой, что его хватило бы на свадьбы двух дочерей. Блюда были заказаны в ресторане Гексельмана: рыба, мясо, жаркое, вина, пиво – чего хочешь! Пробки хлопали, официанты бегали, было весело! И, как водится, заложили банчок, а банкиром был Чапник, и выиграл опять-таки Чапник: он знает, как это делается! В банке, говорит Бейльця, были сотни рублей. И тем не менее, когда на следующий день Гексельман пришел со счетом, его подняли на смех, он даже стесняется рассказывать... Однако я заговорил о Чапнике и чуть не забыл о моей просьбе.

Просьба моя такая: так как моя Бейльця едет за границу впервые в жизни и не знает, где что находится, и не знает языка, я прошу тебя быть настолько любезным и помочь ей, то есть рекомендовать приличную гостиницу, хорошего доктора, кошерный ресторан – словом, быть, как это называется, ее руководителем. Кстати, попрошу тебя присмотреть, с кем она там встречается, с кем водится. Я, понимаешь ли, хотел бы, чтобы она была подальше от мадам Чапник. Что, собственно, я имею против мадам Чапник? Дел моих она не портила. Но мне не хочется, чтобы моя Бейльця была накрепко пристегнута к мадам Чапник, хоть они и состоят в родстве. Не хочу, чтобы мадам Чапник ее опекала, чтобы каждое слово мадам Чапник было законом, чтобы все, что та ни наденет, казалось Бейльце красивым и чтобы ей хотелось всего, что она увидит на мадам Чапник. Поверь мне, дорогой друг, дело здесь не в деньгах. Ты знаешь, я, упаси бог, не такой сквалыга, и Бейльце ни в чем отказа нет – хоть звездочку с неба! Как-никак вторая жена. А вторая жена и единственная дочь, говорят, всегда поставят на своем. Но в чем же дело? Не хочу я, чтобы жена моя совалась куда не надо. У меня и без того на Налевках достаточно врагов, готовых утопить меня в ложке воды. Особенно с тех пор, как я

женился на Бейльце, им очень хочется мне отомстить, сам не знаю за что, как будто я задел чью-нибудь честь или помешал им в делах. Все потому, что Бейльця, как они говорят, могла быть моей снохой. Может, ты мне скажешь, какое им до этого дело? Просто хотят испортить нам жизнь. Скажи на милость, что я им сделал? Весь шум из-за того, что она хороша собой! Черт бы побрал их батьку с матерью! А если бы я женился на какой-нибудь богомерзкой роже, им было бы лучше?

Словом, дорогой друг, много рассказывать тебе нечего. Думаю, ты сам понимаешь, о чем я тебя прошу. Я хочу, чтобы ты присматривал за ней и время от времени писал мне, как ты живешь, и о Бейльце, как она живет. А если она обратится к тебе за деньгами, – я дал ей твой адрес, – выдай ей за мой счет сколько ей потребуется, конечно, не сразу, а понемногу, потому что для нее деньги – пусть это останется между нами – ничего не значат. Я знал наперед, что, сколько бы я ни дал ей с собой, она, попав в Берлин, пустит все на ветер. Так оно и есть, сердце мне подсказало. Я получил от нее письмо из Берлина (по дороге в Мариенбад она остановилась в Берлине). Она, Бейльця то есть, посылает мне привет от некоего Вертгеймера – владельца магазина, где можно найти все кроме птичьего молока. Она уже побывала там с визитом и, насколько я понимаю, не обманула надежд господина Вертгеймера... Тянется за мадам Чапник. Берл Чапник хвастает, что дал своей Хавеле пятьсот рублей на дорогу. А Хавеле, едва приехав в Берлин, сразу написала, чтобы ей выслали еще столько же. Швыряется пятисотенными этот Чапник! Не знаешь ли ты, какими это делами он ворочает? Человек живет в Варшаве лет двадцать, а знает ли кто-нибудь, чем он торгует? Расфранченный человек, с брюшком, с приятным произношением, лишнего слова не скажет, один глаз смотрит куда-то в сторону, второй прикидывает, как бы это раскрыть ваши карманы и одолжить у вас денежки без отдачи...

Словом, не стоит он того, этот Чапник, чтобы о нем так много говорить. Ты знаешь, Хаим, как дорога мне Бейльця. Я очень огорчен тем, что она едет одна. Я бы поехал с ней, но как могу я бросить дела? У меня самый сезон. Я собираюсь строить и надеюсь, что год у меня выйдет неплохой. Насколько я предвижу, квартиры в нынешнем году будут значительно дороже, чем в прошлом. Но Бейльце не обязательно знать об этом. Наоборот, если придется к слову, можешь ей сказать обратное... Но мне незачем учить тебя. Ты сам все знаешь. А вообще особых новостей нет. Наши газеты ты, конечно, и там читаешь и знаешь, что у нас не больно весело. Могу тебе передать привет от твоей Эстер. Я видел ее издали. Мне кажется, она уже совсем на сносях. Не сегодня-завтра... Если будет мальчик, то как же без тебя состоится обрезание? Смотри, друг мой, сделай то, о чем я тебя прошу и отвечай немедленно.

От меня, твоего лучшего друга Шлоймы Курлендера.

3

Бейльця Курлендер из Берлина – своему мужу Шлойме Курлендеру на улице Налевки в Варшаву

Моему дорогому просвещенному супругу Шлойме, да сияет светоч его!

Вчера я обещала тебе описать берлинский Луна-парк, как только вернусь оттуда. Вот я и стараюсь угодить тебе, хотя это вещь невозможная, ибо если бы я даже всю ночь сидела и писала, то разве можно описать хотя бы десятую часть того, что видишь в этом Луна-парке? Вот это парк так парк! Представь себе огромный парк, весь в огнях, кругом огни, все здания сверху донизу залиты огнем. И сразу, как приходишь, попадаешь в зал смеха. Это такой зал, что, как толькоходишь, на тебя нападает смех и ты смеешься, пока чуть не лопнешь со смеху, потому что, куда бы ты ни повернулся, ты видишь, что похож на черта. Потом платишь за билет и садишься на какой-то сумасшедший поезд, который бешено мчится по горам и долам. То тебя подбрасывает выше домов, а то летишь вниз ко всем чертям, в преисподнюю, так что чуть на куски не распадаешься. Начинается визг, писк, но тут тебя снова вскидывает на гору и снова бросает в ямы. И так до тех пор, пока ты не окажешься на прежнем месте и стоишь как дурак. Немец велит тебе «аусштайген», то есть выйти. Выходишь как одурелый. Потомходишь к реке и видишь: люди скользят в лодках куда-то вниз, падают прямо в воду, но не тонут. Тебя, конечно, разбирает, и ты лезешь по лестнице наверх, снова покупаешь билет, садишься в лодку, и летишь, как сумасшедший, в воду, и вылезает оттуда весь мокрый, и только стоишь и смотришь, за что немец деньги берет? Пройдешь немного дальше и видишь диких людей и цыган из Египта, которые поют, прыгают и кружатся, лижут языком раскаленное железо, прокалывают себя пиками, вертят животами и за все это тянут из тебя деньги. А если хочешь, тебя приведут прямо в ад и покажут мертвецов, духов и чертей, змей и всякую нечисть, и ты готов благодарить Бога за то, что тебя выпустили живым. О кафе, ресторанах, музыке, игральныых ящиках, кинематографах, комедиях, фотографиях и тому подобных вещах и говорить нечего – этого здесь как звезд на небе. И если бы тебе вздумалось потакать немцам и ходить всюду, куда тебя приглашают, ты бы оттуда вышел гол как сокол. Мне же вся эта канитель не стоила ровно ничего, ни ломаного гроша. Спросишь, как же это возможно? А вот послушай.

Тот самый холостяк с красной смородиной на носу, который выманил у меня пятнадцать марок за то, что порекомендовал мне замечательного доктора, пригласил меня в Луна-парк на свой счет, да еще угощал меня сельтерской водой, и шоколадом, и чем хочешь. Увидав, однако, что мне это не нравится, он сказал: «Для хорошеньких женщин, которым требуется доктор, я – комиссионер, но для осмотра Берлина я не комиссионер, а кавалер и джентльмен!» Ну что ты скажешь про такого недотепу? Уже на обратном пути он обращается ко мне, этот умник, а сам сияет, как солнышко в июне: «Мадам! Если вы не обидитесь, я вам кое-что скажу». «Если что-нибудь умное», – отвечаю я. «Умное ли, не знаю, – он говорит, – но вам это будет очень интересно». «Если интересно, – отвечаю, – почему нет?» Тогда он говорит: «Но с условием, мадам, что вы мне потом скажете ваше мнение». «Почему не сказать?» – отвечаю я. «Нет, я имею в виду, – говорит он, – что вы скажете мне откровенно, не скрывая». «Зачем же мне скрывать?» – говорю я. «Нет, – продолжает он, – если вам не понравится то, что я скажу, то вы мне так и скажете, что вам это не нравится». «Говорите, – отвечаю я, – чего вы тянете?» Тогда он останавливается и говорит: «Выслушайте же, мадам, дело вот в чем. Поверите ли вы мне? Может быть, поверите, а может быть, и нет. Хотя я не знаю, почему бы вам мне не поверить. Я человек откровенный, у меня что на уме, то на языке. Я не люблю полуслов. У меня раз, два, три – и готово. Должен вам сказать, мадам, что я такой человек: если есть у меня что-нибудь, я тут же выкладываю. Долго держать про себя я не умею. Я уже давно

хотел вам сказать, что вы мне понравились с первой минуты, когда я вас увидел. Что вы на это скажете?» Что мне, отвечаю, сказать? Ваше счастье, что мы в Берлине, на Фридрихштрассе, не то я бы вам показала, что значит быть нахалом! На этом наш разговор окончился. Я осталась без кавалера и вынуждена всюду ходить одна. Однако не беда: Берлин – не темный лес, а немцы такие люди, что не ленятся, останавливаются, выслушивают и показывают вам все, что у них спрашивают. Больше того, если спросишь такое, чего они не знают, то прямо-таки видишь, что люди вне себя. Немец немцем остается.

Вот я тебе описала все, как обещала. Дай мне Бог приехать благополучно в Мариенбад, тогда сообщу тебе больше новостей. Пока будь здоров и напиши мне в Мариенбад, что слышно у нас в Варшаве? Как поживает Эстер Сорокер? Родила она или еще нет? А если да, то кого – мальчика или девочку? Хорош муж! Я имею в виду Хаима Сорокера. Оставить жену на сносях, а самому уехать в Мариенбад! Ради чего? Он, видите ли, хочет «сбавить», потерять живот... Была бы я его женой, он бы уже обратно на Налевки не приехал! Пусть оставался бы в Мариенбаде навсегда. Уж он бы у меня «сбавил» не только вес и потерял бы не только живот. Говори что хочешь, он твой друг, но так не поступают. У меня сердце разрывалось, когда я пришла к ней попрощаться. Она не из тех, что жалуются, но, видно, такое счастье суждено им, обеим сестрам – и Эстер, и Ханце. Ханця, говорят, еще больше мучается со своим Меером. Мне говорили здесь, в Берлине, что Меер Марьямчик тоже в Мариенбаде. И Броня Лойферман, и Лейця Бройхштул, и Ямайчиха со своими дочерьми тоже в Мариенбаде! Все Налевки в Мариенбаде. Не сглазить бы! Надеюсь получить от тебя письма в Мариенбаде, только не забудь написать обо всем, что творится дома. Не полагайся целиком на Шеве-Рохл. Просматривай каждый день, что она приносит с базара, взвешивай мясо и, ради бога, не бери ничего в кредит, потому что лавочники, даже самые честные, имеют привычку приписывать. А если явится к тебе модистка Лея с претензиями, что я ей недоплатила за работу, и захочет положиться на твою справедливость, не отвечай ей. Она страшила судом – пусть идет в суд! И не забудь, ради бога, выслать мне деньги в Мариенбад. Я сообщу тебе мой адрес сейчас же, как только приеду. Дал бы уж Бог приехать благополучно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.